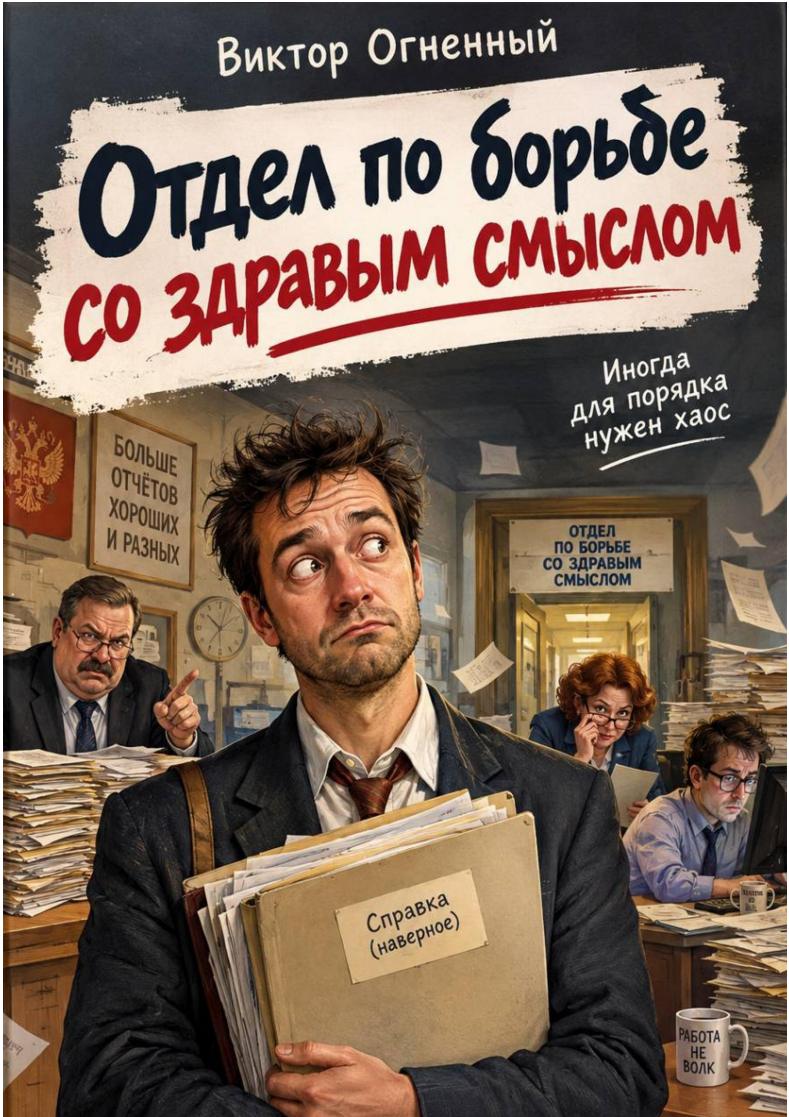

Виктор Огненный
Отдел по борьбе со здравым смыслом
Иногда для порядка нужен хаос
БОЛЬШЕ ОТЧЁТОВ ХОРОШИХ И РАЗНЫХ
ОТДЕЛ ПО БОРЬБЕ СО ЗДРАВЫМ СМЫСЛОМ
Справка (наверное)
РАБОТА НЕ ВОЛК

Виктор Огненный

Отдел по борьбе со здравым смыслом

https://litres.ru/74697587
SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей пришёл в администрацию за обычной справкой. Но выяснилось, что его дом официально снесён, комиссия, которая должна это подтвердить, давно не существует, а исправить ошибку невозможно без решения этой самой комиссии.

Так Андрей знакомится с удивительным миром чиновничьей логики, где бумага важнее реальности, отсутствие проблемы нужно подтверждать документально, а попытка навести порядок способна создать три новых нарушения.

Вскоре он оказывается втянут в работу отдела с официально длинным названием и неофициальным — отдел по борьбе со здравым смыслом. Теперь ему предстоит искать несоответствия, участвовать в подготовке показательного форума и разобраться, что делать, когда отчёты выглядят убедительнее самой жизни.

Это сатирическая повесть о бюрократии, абсурдных правилах и людях, которые пытаются сохранить здравый смысл там, где он давно считается нарушением порядка.

Потому что иногда самый опасный поступок в системе — просто назвать вещи своими именами.

Содержание

Глава 1. Окно номер три 6
Глава 2. Комиссия, которой нет 14
Глава 3. Бахилы для документов 21
Глава 4. Протокол о намерениях 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Виктор Огненный
Отдел по борьбе со здравым смыслом

Глава 1. Окно номер три

Охранник сидел за столом у турникета, уткнувшись в журнал.

– Цель визита?

– Справка.

– Какая справка?

– О регистрации. Что я прописан по адресу. Для школы, дочери в первый класс.

– Это в МФЦ.

– Я оттуда. Они меня сюда отправили.

Охранник перевернул страницу, потом вернул её обратно. На бейдже было написано «Г. П. Мухин», и Андрей сразу подумал, что это человек, у которого инициалы вместо имени, потому что имя не нужно, и так все знают.

– Паспорт.

Андрей отдал паспорт. Мухин переписывал данные медленно, шевеля губами на каждой цифре. Серию он записал с первого раза, номер с третьего. За спиной у Андрея кто-то вошёл, встал и тяжело вздохнул, но Андрей не обернулся. Он уже понял, что оборачиваться тут бесполезно.

– Второй этаж, кабинет двести четырнадцать. Окно номер три. Приём с десяти.

– Сейчас без десяти.

– Вот и ждите.

– А можно подождать наверху?

– Нет.

– Почему?

– Потому что приём с десяти.

На скамейке в холле сидела женщина с папкой на коленях. Андрей сел на другой конец, и они какое-то время молчали. Потом она сказала, не поворачивая головы:

– Вы за чем?

– Справка о регистрации.

– А у меня на переименование улицы. Мою улицу переименовали, а в паспорте старая. Теперь я, получается, живу на улице, которой нет.

– И что вам сказали?

– Что надо подтвердить, что улица, которой нет, это та, которая есть. Я второй месяц хожу.

Андрей кивнул. Он тогда ещё кивал на такие вещи, как на рассказ о чужой погоде.

В десять ноль две охранник встал, отодвинул цепочку и сказал в пространство: «Проходите». Женщина с папкой оказалась на лестнице первой, хотя сидела дальше от неё. Андрею стало немного обидно, и он ускорил шаг, чего стыдился потом весь день.

Кабинет двести четырнадцать оказался длинной комнатой с тремя окнами для приёма и одним настоящим, пыльным, выходящим во двор. Над первым окном висела табличка «Окно 1. Закрыто». Над вторым «Окно 2. Закрыто». Над

третьим ничего не висело, и за ним сидела женщина лет пятидесяти пяти, в сером кардигане, с очень прямой спиной. Перед ней стояла кружка с надписью «Лучшей маме». Бейдж гласил: «З. А. Ляпунова».

Женщина с папкой уже стояла у окна. Андрей услышал только конец её разговора: «…нужно будет прийти в четверг». Она отошла, уже смирившись с четвергом.

– Следующий.

Андрей подошёл и положил паспорт в желоб под стеклом.

– Здравствуйте. Мне нужна справка о регистрации по месту жительства. Меня направили из МФЦ.

– Какой адрес?

– Кооперативная, четырнадцать, квартира тридцать один.

Ляпунова набрала адрес двумя пальцами, сильно ударяя по клавишам. Потом прочитала то, что вышло на экране, и лицо её не изменилось. Это было первое, что Андрей запомнил о ней: лицо не менялось, даже когда она сообщала самое невероятное.

– По адресу Кооперативная, четырнадцать, объекта нет.

– Как нет?

– В реестре нет.

– Там дом. Красный кирпичный, пять этажей. Внизу аптека.

– Аптека есть, – согласилась Ляпунова. – Аптека в другом реестре. Она арендует помещение в здании, а само здание у нас числится снесённым. Акт от четырнадцатого сентября

две тысячи девятого года.

Андрей подумал, что ослышался.

– Простите, каким?

– Снесённым. Здание. Акт о сносе есть, подпись есть, печать есть.

– Но оно стоит. Я в нём живу. Я сегодня утром из него вышел, у меня там чайник на плите.

– Чайник это к делу не относится.

– Я не про чайник. Я про то, что дом на месте.

– Молодой человек, – сказала Ляпунова ровно, без раздражения, – видно было, что говорить это ей приходилось не раз, – я не могу руководствоваться тем, что вижу. Я руководствуюсь тем, что у меня в базе.

– Но вы же не видите. Вы не выходили на улицу.

– Вот именно. А в базе написано чётко.

Андрей оглянулся. За ним никого не было, и ему вдруг захотелось, чтобы кто-нибудь стоял, и можно было бы поймать чей-нибудь взгляд и убедиться, что он не один тут слышит эти слова. Но очередь рассосалась, Ляпунова ждала, а на стене над её головой висели часы, на которых было десять двадцать две. Он посмотрел на часы: разговор отнимал время, а к справке они не приближались.

– Хорошо, – сказал он. – Допустим, акт есть. Допустим, он ошибочный. Что нужно сделать, чтобы это исправить?

– Подать заявление об исправлении технической ошибки.

– Давайте подам.

– Заявление принимается при наличии справки о регистрации заявителя по адресу объекта.

Андрей выждал, не добавит ли она что-нибудь. Она не добавила.

– То есть чтобы получить справку о регистрации, нужно исправить ошибку, а чтобы исправить ошибку, нужна справка о регистрации.

– Совершенно верно, – одобрила Ляпунова, довольная, что он быстро схватил.

– Это же замкнутый круг.

– Это порядок.

– Хорошо, а есть другой порядок? Другой путь, чтобы подтвердить, что дом есть?

Ляпунова подняла глаза к потолку, как поднимают, когда ищут слово в чужом языке.

– Можно акт обследования. Комиссия выезжает и фиксирует фактическое наличие.

– Отлично. Как её вызвать?

– Заявление.

– Какое?

– О проведении обследования.

– И его принимают без справки?

– Нет. Со справкой.

Андрей сел бы, если бы было куда. Сзади не было даже стула. В комнате пахло сухой пылью и сладковатым затхлым запахом.

– Послушайте, – сказал он как можно спокойнее. – Выйдите на крыльцо. Здание администрации стоит на улице Ленина, правильно? От него до моего дома пять минут пешком. Я вам нарисую маршрут. Вы своими глазами увидите, что дом есть, и всё решится.

– Я не имею права, – сказала Ляпунова, и впервые в голосе её что-то шевельнулось. Не злость, скорее испуг. – Если я выйду и увижу, то получится, что я установила факт. А установление фактов не входит в мои обязанности. Установление фактов это комиссия.

– Но комиссию без справки не вызвать.

– Вот видите, – сказала она с облегчением.

Андрей достал из кармана телефон, нашёл фотографию дома. Он снимал его в прошлом месяце, когда на крыше меняли водосток, ради рабочих, хотел показать в управляющей компании. Положил телефон в желоб экраном вверх.

Ляпунова посмотрела на фотографию добросовестно, даже наклонилась. Потом вернула телефон обратно двумя пальцами, как возвращают чужую ложку.

– Красивый дом.

– Спасибо.

– Но фотография не документ.

– А что документ?

– Акт.

– Акт о сносе?

– Нет. Он документ о сносе. Акт обследования был бы

документом о существовании. Но его нет.

– Потому что нет справки.

– Потому что нет справки, – подтвердила Ляпунова и взглянула на часы. – Без пятнадцати одиннадцать. Мне нужно оформить технологический перерыв.

– У вас перерыв с одиннадцати?

– Я должна его оформить, – терпеливо пояснила она. – Это занимает минут десять. Потом перерыв, пятнадцать минут. Потом проветривание помещения.

– А принимать вы потом будете?

– До двенадцати, да. Но вам имеет смысл подойти в четверг. В четверг принимает Тамара Васильевна. Она более гибкая.

– В каком смысле гибкая?

Ляпунова оглянулась на дверь, хотя дверь была закрыта, и сказала тише:

– Она иногда выходит.

– Куда?

– Смотреть.

Это было сказано таким тоном, каким говорят о человеке, который позволяет себе лишнее. Андрей хотел спросить, как именно «выходит» и что из этого следует, но Ляпунова уже опустила жалюзи в окне номер три, и над ним зажглась маленькая красная лампочка. Лампочка была такая, какими отмечают, что в кабинете идёт рентген.

Андрей забрал паспорт из желоба.

На лестнице ему встретился молодой человек в мятом пиджаке с папкой под мышкой. Он бежал вверх через две ступеньки, на ходу что-то читая с листа, и чуть не сбил Андрея. Извинился механически, не поднимая глаз, и скрылся в коридоре. Андрей постоял пару секунд, потом пошёл вниз.

Мухин на посту уже читал газету. Когда Андрей проходил через турникет, он поднял голову.

– Справку получили?

– Нет.

– А чего так?

– Дом снесли.

– Какой?

– Мой.

Мухин подумал, кивнул и вернулся к газете.

На улице было светло и слегка ветрено. Андрей постоял на крыльце. Потом обошёл здание администрации вокруг, чтобы убедиться, что оно на месте. Оно было на месте, серое, пятиэтажное, с флагом и пластиковыми окнами, которые поставили лет десять назад и которые уже начали желтеть по краям.

Домой он шёл пешком. Дом стоял там же, где и утром. Андрей зачем-то потрогал стену у подъезда. Стена была холодная и шершавая, с недавно закрашенным объявлением о продаже гаража.

Глава 2. Комиссия, которой нет

В четверг Мухин, увидев Андрея, молча придвинул к нему журнал и положил сверху ручку. Андрей расписался сам, не дожидаясь вопроса о цели визита. Мухин кивнул, как кивают постоянному клиенту.

За окном номер три сидела другая женщина. Полная, в оранжевой кофте, с брошью в виде божьей коровки и с яблоком, которое она аккуратно чистила ножом над бумажной салфеткой. Бейдж: «Т. В. Кобзева». Очередь в четверг была длиннее, чем во вторник, и двигалась быстрее. Андрей простоял сорок минут и за это время заметил, что Кобзева не просит людей прийти завтра. Она говорила «Так, ну это не ко мне», или «Это вам в двенадцатый кабинет, скажите, что от меня», или просто «Давайте посмотрим». Последнее у неё получалось чаще всего.

– Слушаю вас.

– Кооперативная, четырнадцать. По реестру дом снесён, но он стоит.

– У аптеки? Там ещё голуби на козырьке.

– Да.

– Знаю, у меня сестра на Первомайской, мимо хожу. – Она доела яблоко, вытерла нож и положила его в ящик стола. – Идёмте.

– Куда?

– Смотреть. Мне Зина сказала, что вы с фотографией приходили. Зина фотографии не понимает, у неё от них голова болит. А я схожу.

Она достала из-под стола лист бумаги, написала на нём фломастером «Ушла смотреть. Вернусь в 11:30» и приклеила скотчем к стеклу изнутри. Люди в очереди прочитали это в зеркальном отражении, и кто-то сзади сказал: «Куда это она?» Кобзева надела пальто, которое висело на спинке стула, и вышла через боковую дверь, не дожидаясь Андрея.

До Кооперативной пять минут, она прошла их за четыре, разговаривая всю дорогу. Спросила, кем он работает. Он сказал, что инженер по вентиляции, ведёт объекты в «Вентсервисе», проверяет, чтобы воздух в зданиях шёл туда, куда нарисовано. Кобзева сказала: «Ну тогда вы в стенах разбираетесь». Андрей хотел возразить, что скорее наоборот, что он разбирается в том, что внутри стен, но не стал.

Перед домом она остановилась и некоторое время просто смотрела. Потом сосчитала этажи, шевеля губами и тыча пальцем в воздух, потом сосчитала их снова. Подошла к стене и постучала по кирпичу костяшками.

– Кладка настоящая.

– А бывает ненастоящая?

– Всякое бывает, – сказала она загадочно и вошла в подъезд.

Кодовый замок Андрей открыл сам. Кобзева прошла по лестнице до третьего этажа, заглянула в щиток, зачем-то по-

смотрела на почтовые ящики внизу и сказала: «Тридцать пять. Два без дверок». Вернувшись на улицу, она достала из сумки телефон, старый, с трещиной по диагонали, и стала фотографировать. Первые два кадра вышли с её пальцем в углу. Третий получился.

На скамейке у входа сидел старик в вязаной шапке, несмотря на жару, и читал газету, которую держал на вытянутых руках.

– Тамара Васильевна, – сказал он, не опуская газету. – Здравствуйте. Вы к нам или снова по мосту?

– К вам, Павел Семёныч. Вот человек говорит, что вас снесли.

– Это нас всё время сносят, – сказал старик с удовольствием. – Я уже привык. Мне в сентябре отвечают, что по данным реестра моего дома нет, и я, значит, пишу снова. Так и переписываемся.

Андрей хотел спросить, давно ли, но старик уже снова поднял газету, и разговор, очевидно, был окончен.

Служебную записку Кобзева написала на скамейке, положив папку на колено. Писала быстро, с нажимом, и Андрей прочитал через плечо: «В ходе визуального наблюдения по адресу Кооперативная, 14, установлено наличие здания кирпичного исполнения, пятиэтажного, с жилыми помещениями. Наблюдение осуществлено лично, без привлечения третьих лиц». Подписалась, поставила дату.

– Это акт? – спросил Андрей.

– Нет. Акт это когда комиссия.

– Зинаида Анатольевна говорила, что комиссия выезжает.

– Говорила, – согласилась Кобзева. – Только комиссию в пятнадцатом году расформировали. Оптимизация. Были три человека, остались слова.

– То есть вызывать некого?

– Некого. Но в Положении она прописана, и убрать её оттуда нельзя, потому что для изменения Положения нужно решение комиссии.

Андрей помолчал.

– Которой нет.

– Которой нет, – подтвердила она. Об этом здесь давно перестали спорить. – Там ещё, правда, мелким шрифтом, в пункте четыре-два: «либо иное уполномоченное лицо». Но чтобы лицо уполномочить, надо бумагу в отдел единообразия, а они такого никогда не делали. Я спрашивала.

Они вернулись в администрацию к одиннадцати двадцати. Очередь у окна номер три не рассосалась, но и не разозлилась: кто-то вытащил из сумки термос, кто-то обсуждал рассаду. Кобзева сняла со стекла листок, сказала «Пять минут, ребята» и ушла с Андреем на третий этаж.

Дверь отдела была обита чем-то коричневым, похожим на старое кресло. Табличка гласила: «Отдел по обеспечению единообразия правоприменительной практики и недопущению произвольных толкований». Ниже, мелко, от руки на бумажке: «Стучать».

Внутри оказалась комната с тремя столами, огромным фикусом и стеной, целиком занятой графиком в клетку. Молодая женщина за ближайшим столом, в наушниках и с карандашом, воткнутым в узел волос, подняла глаза на Кобзеву и сказала: «О нет». Не грубо, а скорее печально.

– Лиза, я с запиской.

– Я вижу, что вы с запиской. Павел Сергеевич, – крикнула она в сторону внутренней двери, не вставая, – Тамара Васильевна принесла.

Из кабинета вышел мужчина лет сорока пяти, тонкий, сутулый, в рубашке, застёгнутой на все пуговицы, включая ту, что обычно не застёгивают. Он взял записку двумя руками, прочитал и прочитал снова, и Андрею показалось, что в конце второго прочтения у него чуть дрогнула щека.

– Тамара Васильевна. Вы понимаете, что вы сделали?

– Сходила посмотреть.

– Вот. Теперь у нас есть документ, фиксирующий факт.

– И что?

– У нас нет номенклатуры для фактов, – сказал он почти шёпотом. – У нас есть номенклатура для заявлений, обращений, актов и справок. Факт это не из нашего.

– Павел Сергеич, – вмешалась Лиза, – давайте как несоответствие. Реестр сообщает снос, фактически объект существует.

– Такой категории нет.

– Тогда в «прочие».

– В «прочие» нельзя, туда только то, что прочее. Это не прочее, это конкретное.

Он ходил от стола к графику и обратно. Фамилия на бейдже у него была Брусникин, и Андрей отметил, что он не дотрагивается до записки без необходимости, держит за край, как держат мокрый зонт.

– А кто разрешил Тамаре Васильевне наблюдать?

– Никто, – честно сказала Кобзева.

– Вот.

– Я из окна не уходила, я в обед.

– В обед по Положению об отдыхе она должна находиться в помещении или на территории администрации.

– Нет, подождите, – сказал Андрей. – Мне вообще-то нужна справка. У дочери школа, там срок. Скажите, как мне теперь её получить.

Брусникин поднял на него глаза. До этого он разговаривал так, словно Андрея в комнате не было.

– Вы кто?

– Заявитель.

– Нет, – мягко сказал Брусникин. – Заявитель это тот, у кого есть заявление. У вас, как я понимаю, заявления нет, потому что вам его не приняли. Значит, вы пока обращение. А по обращению у нас тридцать дней.

– То есть вы мне что-то ответите в течение тридцати дней.

– Да. Что-нибудь ответим.

– А что?

– Мы проведём рабочую встречу, – сказал Брусникин уже увереннее. – В понедельник, в десять. Приходите. Желательно с документами на жильё. Остальное в рабочем порядке.

– А что мне делать до понедельника?

– Сохранять спокойствие, – сказал Брусникин и ушёл в кабинет. Дверь за ним закрылась осторожно, без щелчка.

Кобзева развела руками, мол, а что я могла, и тоже пошла вниз, к своим людям с рассадой. Андрей постоял в пустой комнате. Лиза сняла наушники, посмотрела на него. На вид ей было лет двадцать семь, и взгляд у неё был такой, каким смотрят на человека, пришедшего в больницу без записи.

– Не принимайте близко, – сказала она.

– Я не принимаю.

– Он вас слушал. Это уже необычно.

Андрей спустился на один пролёт, когда она догнала его. Сунула в руку сложенный лист и быстро, не глядя, сказала: «Перечень документов. Не говорите, что от меня». Повернулась и ушла.

Он развернул лист на лестничной площадке. Пунктов было четырнадцать. Девять из них заканчивались словами «на бланке установленного образца (приобретается в ООО "Эталон-95", ул. Ленина, 7)».

Глава 3. Бахилы для документов

«Эталон» оказался на другой стороне улицы, в бывшем магазине тканей, где сохранились деревянные прилавки с вмятинами от ножниц. Внутри стояли три больших принтера, автомат с кофе и очередь из пяти человек, причём двое из них держали в руках такие же перечни, как у Андрея, только скомканные до размеров яблока.

За стойкой сидел мужчина с широким лицом и очень спокойными руками. На футболке было написано «Печать и сервис», на бейдже «Борис». Он принимал заказы, не поднимая глаз от экрана, и называл цены одним тоном, как называют погоду.

– Заявление об обследовании. Бланк форма три, с водяным знаком. Триста сорок.

– За один лист?

– За один. Вам два надо, оригинал и копия. Копия тоже на бланке.

– Зачем копия на бланке?

– Потому что оригинал на бланке.

Андрей посмотрел на образец, лежащий на стойке. Водяной знак изображал герб района и слова «Подлинник» по диагонали. Он поднёс лист к свету и увидел, что знак нарисован обычным принтером, очень светло-серой краской, а не вдавлен в бумагу.

– Это же не водяной знак. Это просто напечатано.

– Сертифицированная нарисованность, – сказал Борис ровно. – У нас лицензия. Там в Положении сказано «бланк с водяным знаком», а как сделан знак, нигде не прописано. Мы делаем один из способов.

– А другие способы бывают?

– Бывают, но другие способы нигде не лицензированы.

Лицензию выдавал отдел Брусникина, это Андрей понял позже. А пока он купил два бланка, ещё три «защитных файла с идентификационной наклейкой» по сорок пять рублей, потому что документы принимались только в них. Костя, тот самый мятый молодой человек с лестницы, так и объяснил ему в понедельник: «Документы подаются в бахилах». Он ещё и показал на картинке: прозрачный файл с жёлтой наклейкой «ОЕП». Андрей решил, что Костя шутит. Костя не шутил.

Рабочая встреча в понедельник продолжалась сорок минут. Присутствовали Брусникин, Лиза, Костя и Андрей, пришла и Кобзева, на правах автора записки. Тюрина, заместителя, не было, он «работал с документами». Протокол вела Лиза. За сорок минут было принято одно решение: заявителю необходимо собрать документы по перечню и подать их через канцелярию отдела единообразия. Брусникин зачитал решение вслух дважды, как зачитывают приговор, когда не уверены, что его услышали.

– И после этого вы проведёте обследование? – спросил

Андрей.

– После этого мы вынесем вопрос на рассмотрение.

– Кем будет рассмотрен?

– Нами.

– И вы решите?

– Мы определим порядок решения, – сказал Брусникин и потёр руки.

Домой Андрей вернулся в начале седьмого. Дочь Маша, шести с половиной лет, сидела на полу в прихожей и пыталась застегнуть новенький ранец, в который уже уложила все свои карандаши и сегодняшнюю куртку. Жена Наталья мыла посуду и спросила, не оборачиваясь, как дела. Андрей сказал, что хорошо, и тут же понял, что это неправда, но поправляться было поздно. Наталья, у которой был острый слух на такие паузы, вытерла руки и села напротив.

Он рассказал. Наталья слушала, держа кружку обеими руками, и в самом начале пару раз улыбнулась, потом перестала.

– То есть мы формально бездомные.

– Мы формально проживаем в доме, которого нет.

– А в школе что говорят?

– Школа взяла Машу условно. Галина Фёдоровна, секретарь, сказала, что до пятнадцатого октября пустит без справки, а потом по системе без справки не получится. Иначе её выкинет из списка.

– Из какого списка?

– Из электронного. Галина Фёдоровна говорит, что сама она Машу знает и фамилию помнит, но система не знает.

Наталья допила чай. Маша наконец застегнула ранец, но он оказался вывернут наизнанку.

Во дворе на следующий день Андрей встретил Павла Семёновича, того самого старика в вязаной шапке. Он сидел на той же скамейке с той же газетой и, увидев Андрея, сам заговорил:

– Ну что, вас там приняли?

– Не принимают. Говорят, дом по реестру ликвидирован. С две тысячи девятого.

– А, так это правда? – сказал Павел Семёныч. – А я думал, они шутят.

Он сложил газету и посмотрел на Андрея внимательно, первый раз за всё время. Оказалось, что он пишет в администрацию каждый сентябрь, начиная с две тысячи десятого, про ремонт пешеходного моста через овраг, и каждый раз получает ответ, что по данным реестра заявитель по указанному адресу не проживает, потому что объект ликвидирован. Он считал это административным юмором, чем-то вроде приветствия.

– Так у вас этих писем сколько?

– Четырнадцать. Я их в коробку складываю. Показать?

Через час в квартире Павла Семёныча, пахнущей лавровым листом и старыми книгами, на столе лежала коробка из-под зимних сапог. Андрей читал ответы по порядку. Форму-

лировка везде была разная, а смысл один. В четырнадцатом письме, помеченном прошлым сентябрём, стояло: «В связи с отсутствием объекта по указанному адресу рассмотрение вопроса не представляется возможным».

– И вы всё равно писали?

– Мост же не построили. – Павел Семёныч пожал плечами. – Раз не построили, значит, надо писать.

Андрей вышел во двор с чувством, которое поначалу принял за ясность. Дом был не его одного. Он стоял, в нём жили тридцать пять семей, и все они, если рассуждать здраво, имели такое же право на справку, на мост и на то, чтобы их не списывали.

Рассуждать здраво в те дни было его главной ошибкой. Он решил, что массовость поможет.

В субботу он обошёл подъезды. Говорил в основном то, что было правдой: дом официально числится снесённым, нужно подать обращение, чтобы его признали существующим, без этого у всех будут проблемы со справками, с налогами, когда-нибудь с продажей. Люди открывали двери в халатах, в рабочих майках, с детьми на руках. Половина вообще не слышала о проблеме, другая половина слышала, но считала, что это не про неё. Подписали, однако, почти все. К вечеру у Андрея лежали тридцать восемь листов, написанных рукой каждого по образцу, который он набросал. В «Эталоне» Борис принял крупный заказ на бланки и сразу пересчитал листы. Он даже выдал скидку на файлы, потому

что партия была больше обычного.

Во вторник в десять утра Андрей, Павел Семёныч и ещё девять жильцов вошли в канцелярию отдела единообразия с тридцатью восемью обращениями в тридцати восьми защитных файлах. Остальные ждали во дворе, на случай если понадобится подкрепление.

Лиза посмотрела на папки, затем на Андрея. Положила карандаш.

– Вы что наделали, – сказала она тихо.

– Подал обращения. Каждый жилец от себя, как положено. Всё по перечню.

– Тридцать восемь.

– Да.

– Однотипных.

– Ну да. Вопрос же один.

– Павел Сергеевич, – сказала Лиза в сторону кабинета. Голос у неё был ровный, но на последнем слоге сорвался. – Идите сюда, пожалуйста.

Брусникин вышел, посмотрел на тридцать восемь файлов с жёлтыми наклейками, потом на людей за спиной Андрея. Он заметно побледнел.

– Это что?

– Это жильцы дома Кооперативная, четырнадцать, – сказал Андрей. – Они тоже хотят, чтобы дом признали.

– Тридцать восемь однотипных обращений, – проговорил Брусникин, ни к кому не обращаясь. – Это же коллективное

обращение. Коллективное идёт на контроль главе.

– И что? Это же хорошо. Громов посмотрит и поймёт.

– Что он поймёт?

– Что у людей проблема.

– Он поймёт, – сказал Брусникин очень медленно, – что у отдела единообразия тридцать восемь проблем, о которых он не знал. И спросит, почему не знал.

Он оглянулся на график, затем перевёл взгляд на Лизу.

– Лиза, надо срочно сделать так, чтобы их было не тридцать восемь.

Глава 4. Протокол о намерениях

Лиза умела молчать продуктивно. Она могла просидеть минут пять с закрытыми глазами, а потом сказать что-то, после чего всем становилось ясно, что делать. В этот раз она молчала дольше, и Брусникин за это время дважды прошёл от окна к графику и обратно.

– Есть вариант, – сказала она наконец. – Но он уродливый.

– Мне сейчас любой подойдёт.

– Урегулирование в досудебном порядке. Если у заявителей есть представитель, и он подписывает с отделом протокол о намерениях, то все обращения считаются урегулированными и снимаются как однотипные. Это нормально, мы так делали в четырнадцатом, когда был скандал с парковками.

– А кто будет представителем?

Они одновременно посмотрели на Андрея.

– Я? – сказал он.

– Вы организовали, вы и представитель, – объяснила Лиза. – Остальные тогда не обращаются в отдельности, они просто в списке. Никакого контроля, никакого Громова.

– А справка?

– Справка будет в рамках урегулирования. Протокол как раз для этого.

Андрей вспомнил про пятнадцатое октября и про Гали-

ну Фёдоровну, которая знала его дочь по фамилии и очень просила не подводить её с системой. Вспомнил вчерашний вечер, когда Наталья сказала: «Я не хочу, чтобы Маша пошла в первый класс из-за двух строчек в базе». Посмотрел на тридцать восемь файлов на столе. Выбор, как ему показалось тогда, был небольшой.

– Что нужно подписать?

– Сейчас, – сказала Лиза, – у меня шаблон есть.

Шаблон лежал у неё на компьютере в папке с названием «Старое/Разное/Не трогать». Она открыла, подправила фамилию, подправила дату и отправила на печать. Принтер в углу долго гудел, потом выдал шесть листов. Лиза выровняла их о стол и протянула Андрею вместе с авторучкой, которую достала из кармана кофты.

– Стандартный. Прочитайте, если хотите, но там всё как всегда.

Андрей начал читать. «Протокол о намерениях между Отделом по обеспечению единообразия правоприменительной практики и недопущению произвольных толкований (далее Сторона-1) и гражданином Соколовым А. Н., действующим в интересах группы заявителей (далее Сторона-2)». Дальше шли «стороны, руководствуясь», «принимая во внимание», «в целях урегулирования». Текст был написан тяжёлым канцелярским языком и почти ничего не объяснял. На третьей странице он поймал глазами слова «содействовать» и «в порядке, предусмотренном», на четвёртой «фактического об-

следования» и «консультации». Дальше строчки поплыли.

– Это надолго?

– На шесть страниц. Подпись на каждой.

Зазвонил телефон. Не обычный офисный, а красный, без диска и кнопок, стоявший на столе у Брусникина, как реликвия. Брусникин вздрогнул всем телом, вытянулся и схватил трубку обеими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.